

А.Ю. БАСОВ¹,

¹*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация.*

«РЕЛИГИОЗНОЕ» В МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ РИМСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: КАЗУС ЦИЦЕРОНА

Аннотация. В статье рассматривается один из современных междисциплинарных подходов к изучению личности в истории. Автором предпринята попытка объяснения противоречивого поведения римского интеллектуала Марка Туллия Цицерона, через различные уровни самоидентификации и моделей поведения, характерные для римского мыслителя. Основной акцент при исследовании автор ставит на изучении феномена «религиозного» и отношения Цицерона к его проявлению в римском обществе эпохи заката Республики.

Ключевые слова: Цицерон, древний Рим, самоидентификация, междисциплинарность, историческая антропология

A.U. BASOV¹

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation.*

RELIGIOUS ASPECTS WITHIN THE BEHAVIOR' PATTERNS OF A ROMAN INTELLECTUAL: CASUS OF CICERO

Abstract. The article discusses one of the modern interdisciplinary approaches to the investigation of personality in history. The author makes an attempt to explain the contradictory behavior of the Roman intellectual Mark Tullius Cicero through the classifying of some behavior patterns and ways of acting in different circumstances. The author focuses on the phenomenon of «religious aspects» and on Cicero's attitude towards its manifestation within Roman society in the time of the Republic's decline.

Keywords: Cicero, ancient Rome, identity, interdisciplinary studies, historical anthropology.

В понятие «религиозного» в разные исторические эпохи вкладывались различные значения. Исследовательская литература XX века констатирует, что практически невозможно дать универсальное определение *религии и религиозного*, тем более построить непротиворечивую общую теорию, несмотря на то, как отмечает У. Арнал, что само исследование религии и попытки ее определения стары как мир [1, р.22; 5, р.74].

Собственно само слово *religio* впервые появляется у Цицерона в трактате «О природе богов», которое он объясняет как уважение, внимание, почитание, которое интересует его с точки зрения этимологии [4, р. 34-36; 11, с. 29-38.]. В чем же специфика этого понятия у Цицерона, какой терминологией оно описывается, а самое главное, – какую роль сфера «религиозного» занимает в мировоззрении римского философа, политика, оратора? Этот последний вопрос породил в историографии самые разные точки зрения. В зависимости от того, как исследователи на него отвечают и формируется сам образ Марка Туллия Цицерона. Часто он воспринимается совершенно противоположно: например, как человек с цельным философско-религиозным мировоззрением, либо как критик религии, либо как «компилятивный философ», меняющий и приспосабливающий свои взгляды к изменяющимся обстоятельствам.

Попытаться преодолеть эти оценочные суждения, на наш взгляд, возможно, лишь расширив исследовательскую парадигму. Новый исследовательский инструментарий

связан с категориями, разрабатываемыми в социологии и социальной психологии и в последнее время активно применяемыми в историческом исследовании [22; 9, с. 29]. Речь идет об *идентификации и самоидентификации* [см.: 10; 12; 13; 14; 16, с. 176; 17, с. 271-172].

Под самоидентификацией личности понимается процесс эмоционального или иного отождествления индивидом себя с другим человеком, социальной группой, образом, явлением, в результате которого этот индивид приобретает и присваивает как собственные различные нормы, ценности, устои, модели поведения, с которыми он начинает себя ассоциировать. С влиянием на личность разнообразных факторов образуются различные уровни самоидентификации: профессиональный, семейно-клановый, религиозно-идеологический, гендерный, национальный и другие [см. 21]. Можно предположить, в качестве рабочей гипотезы, что у Цицерона в зависимости от уровня самоидентификации могло видоизменяться как само наполнение понятия «религия», так и его отношение к феномену «религиозного».

Проблемы «религиозного» затрагиваются Цицероном в трудах: «De divinatione», «De fato», «De natura deorum», в диалоге «De re publica», а также в ряде писем. В своих работах он размышляет о вопросах существования богов, их управлении миром, социальном аспекте религии, ее взаимоотношениях с государством [2, р. 258-26; 3, р. 358-360; 6, с. 36, 443; 14, с. 31-38; 15, с. 323-327].

Рассматриваемый нами круг источников дает возможность судить о трех уровнях самоидентификации: профессиональном, где Цицерон ощущает себя в роли римского политического деятеля, выступающего в Сенате, и основывается на этико-моральных принципах, соответствующих римскому гражданскому кодексу. Религиозно-идеологическом уровне, когда Цицерон выступает как римский философ, ученый, интеллигент. И семейно-клановом, когда он выступает как член малой группы, имеющий свою приватную жизнь. На наш взгляд, именно на последнем уровне более всего проявляются его психологическое состояние и эмоции.

Начнем рассмотрение проблемы с анализа профессионального уровня самоидентификации. Исторический контекст показывает, что римская религия, несомненно, была связана с общинными культами в Риме и эта традиция не подвергалась обсуждению, а важнейшим элементом воспитания юношества было усвоение древних верований, традиционных моральных ценностей и норм поведения. Основы римского «морального кодекса» составляли такие качества, как благочестие (*pietas*), верность (*fides*), серьезность (*gravitas*), твердость (*constantia*); все они объединялись понятием *virtus* (доблесть, добродетель). Этот кодекс формируется в римском обществе еще в глубокой древности и остается практически неизменным вплоть до II в. до н. э.

В I в. до н. э. Цицерон говорит в сенате: «Каким бы высоким ни было наше мнение о себе, отцы-сенаторы, мы не превосходили ни испанцев численностью, ни галлов силой, ни пунийцев хитростью, ни греков искусствами, ни, наконец, даже италийцев и латинов внутренним и врожденным чувством любви к родине, свойственным нашему племени и стране; но благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превосходили все племена и народы» [19]. Хотя во времена Цицерона в Риме уже широко распространился религиозный скептицизм, точка зрения Цицерона отражала традиционные представления римлян о самих себе и соответствовала основным понятиям древнего морального кодекса. Цицерон выделяет в качестве характерных черт римлян их патриотизм и почитание богов [7, с. 92].

Государственная деятельность Цицерона в качестве консула пришлась на период крупнейших гражданских войн и крушения республиканского политического порядка, который он ценил как высшее достижение государственной мудрости народа. Разумеется, названные процессы протекали отнюдь не в мирной обстановке, а в напряженной, порой

смертельной борьбе [6, с. 21]. И жизнь Цицерона является одной из лучших иллюстраций данного утверждения.

Для римского государства всегда было весьма характерным сосредоточение светской и духовной власти в руках одних и тех же виднейших должностных лиц. Цицерон считал, что человек, занимающий определенное положение в государстве, не должен высказывать никаких вольнодумных мыслей, чтобы не смущать умы простых людей, так как толпе следует внушать идеи о существовании богов, заботящихся о благе народа, и укреплять веру в их могущество.

«Сенат и ауспиции — это два столпа республики», — говорил Цицерон («О республике», II, 10, § 17), и вся его деятельность была направлена на поддержку и укрепление этих столпов [21, с.73]. Следует сохранять религию, идущую еще от предков, представляемых Цицероном как образец мудрости и добродетели, и строго выполнять ауспиции и другие обряды, столь важные для государства и простого народа. Словами Котты он говорит о том, что для него мнение предков о почитании богов неколебимо и что в вопросах религии авторитетами для него являются не стоики, а великие римские граждане: Сципион, Сцевола и Лелий. «И это мое мнение, которое я воспринял от предков, о почитании бессмертных богов, не колеблет никогда никакая речь ни ученого, ни неученого. Только, когда дело касается религии, я следую Тиберию Корунканию, Публию Сципиону, Публию Сцеволе...» [20, с. 158].

Все, что составляет римскую религию, по его мнению, сводится к традиционной обрядности, ауспициям и прорицаниям, остальное же — домыслы поэтов и философов. Толкование религии, по его мнению, даже опасно, ибо оно очевидные вещи ставит под сомнение. Он говорит, что удивляется, как один гаруспик может, глядя на другого, удерживаться от смеха [20, с. 83], и в то же время заявляет: «Так вот, я, сам понтифик, считающий, что необходимо в высшей степени свято соблюдать общественные религиозные обряды, я просто хотел бы, чтобы меня в существовании богов (что является главным в этом вопросе) убедило бы не только [принятое на веру] мнение, но также и сама истина. Много ведь встречается такого, что смущает нас так, что порой начинает казаться, будто вовсе нет никаких богов» [20, с. 79-80].

Цицерон устанавливает критерий, который разбивает неточность, ложность, алогичность в суждениях — доказательства: «...как раз, но имею обыкновения доказывать то, что очевидно и с чем все согласны, ведь доказательствами только ослабляется очевидность» [20, с. 159]. Поэтому, рассуждает Цицерон, вера в существование богов, переданная римлянам предками и усвоенная ими через посредство священных для него государственных установлений, не только не укрепляется философскими доводами, но даже неизбежно ослабляется. «Ты приводишь все эти доводы, чтобы доказать существование богов, и тем самым то, что, по моему мнению, является несомненным, делаешь сомнительным» [20, с. 160]. За этими рассуждениями Цицерона скрывается определенный тип решения той проблемы, которая в средние века выделилась как проблема соотношения веры и разума.

Цицерон основной упор делает на то, что боги — это предмет веры. Сомнение здесь возможно, но не в лоне общественной жизни [20, с. 80]. Нельзя, например, не верить историческим фактам и открытиям разума, хотя их не всегда можно чувственно проверить [20, с. 88]. Религиозный культ, который достался от предков — проверен исторически, и этот культ должен безоговорочно соблюдаться [20, с. 97-98]. Таким образом, когда Цицерон позиционирует себя как римский государственный деятель, то он рассматривает религию как государственный институт, цементирующий государство.

Другой, не менее интересной задачей, является рассмотрение религиозно-идеологического уровня самоидентификации Цицерона. По описанию Плутарха, любимым занятием, которому Цицерон отдавался всю жизнь, была философия [см. 11].

Личное отношение Цицерона к религии переходит к обсуждению вопроса о ее толковании, где встает вопрос о суевериях, которые насыщают эту религию [18, с. 258-259]. На этом уровне у него расширяется лексика и понятийный аппарат, он вводит новый термин «*divinatio*» [16, с. 183]. Цицерон возражал против всех видов гадания, против истолкования различных явлений природы как чудес, ниспосланных богами. Также против ауспий, против веры в жребий, против лживых предсказаний халдейских астрологов и т. д. «Какая же помощь от дивинации? Какой толк от вытягивания жребия, от гадания по внутренностям животных или другого прорицания? Если такова была судьба, чтобы два римских флота в Первой Пунической войне погибли, один от бури, другой — разбитый карфагенянами, то даже если бы консулы Л. Юний и П. Клавдий получили от священных кур самые благоприятные предзнаменования, флоты все равно должны были погибнуть. А если, подчинившись ауспiciям, можно было избежать гибели флотов, тогда, значит, судьба к их гибели не имеет никакого отношения. По-вашему, все зависит от судьбы. Тогда нет никакой дивинации» [20, с. 249]. Далее Цицерон подвергал основательной критике все виды предсказаний в состоянии экстаза (как, например, изречения оракулов), а также видения во сне, будто бы ниспосланные богами [21, с. 66].

Римское общество могло не только не принять, но и жестоко осудить человека, глумящегося над древним культом предков, поэтому Цицерон старался в аккуратной форме высмеивать различные формы проявления суеверий и гаданий, мифов и легенд, прорицателей и оракулов. Широко обсуждаемое понятие «*divinatio*» (предвидение, способность видеть будущее) Цицерон бесповоротно опровергал. «Так же обстоит дело и с той змеей, которая показала Сулле в то время, как он приносил жертву. Я помню обоих: и Суллу, который, готовясь выступить на войну, приносил жертву, и змею, появившуюся из-под жертвенника. Но славную победу, которую Сулла одержал в тот же день, приписываю не совету гаруспиков, а полководцу» [21, с. 264-265].

Для характеристики семейно-кланового уровня самоидентификации Цицерона, мы можем использовать такой вид источников, как эпистолярное наследие. Именно эпистолярный жанр наиболее ярко показывает личную сторону жизни персоны, ее скрытые чувства, эмоции, даже тайное отношение по какому-либо вопросу, которое в официальных документах никогда не станет явным. И все же там мы находим лишь несколько случаев, которые могли бы оказать помощь в исследуемом нами вопросе.

Плутарх в своих «*Vitae parallelae*» описывает Цицерона как человека далеко нерелигиозного, в отличие от его жены, но все же в отдельные для себя моменты времени обращающегося к богам. «Он спрашивал Дельфийского бога, как ему достичь великой славы, и пифия в ответ повелела ему руководиться в жизни собственной природой, а не славою у толпы» [11]. В «Письмах к друзьям» он пишет, что адресовал просьбу к Теренции, чтобы его набожная жена возблагодарила божество Эскулапа или Аполлона, явившегося к Цицерону ночью для облегчения его болезни [21, с. 76].

Таким образом, рассмотрев три уровня самоидентификации личности Марка Туллия Цицерона, мы можем сделать следующий вывод. Традиционные полярные мнения в историографии о роли религиозного аспекта в идентификации и самоидентификации римского интеллектуала не обладают большой объяснительной способностью. Модели его поведения, на наш взгляд, варьировались в зависимости от уровня самоидентификации Цицерона. Он мог вести себя и как человек сугубо верующий, и как мыслитель, критически относящийся к официальной и народной религиозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arnal W.E. Definition // Guide to the Study of Religion. Willi Braun & Russell T. McCutcheon eds., 2000.
2. Fuhrmann M. Cicero und die römische Republik. München, 1990.
3. Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden: F. Steiner, 1969.

4. Muller M.F. Natural religion. The Gifford lectures. London: Longmans, Green and Co; New York, 1892.
5. Smith W.C. The Meaning and End of Religion. New York: Mentor Books, 1962.
6. Грималь П. Цицерон. М., 1991.
7. Кнабе Г.С. Культура античности // Г.С. Кнабе, И.А. Протопопова. История мировой культуры. Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: курс лекций / под ред. С.Д. Серебрянского. М., 1998.
8. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008.
9. Николаи Ф.В., Софронова Л.В., Хазина А.В. От образов власти к власти образов: актуальные проблемы междисциплинарных гуманитарных исследований // Вестник Мининского университета. 2013. №2 (2). С. 29.
10. Першин Ю. К этимологии слова «религия»: парадигма Цицерона // Антропо Топос: теоретический журнал в области философских наук. Омск, 2011. Вып. 9 – 10. С. 29-38.
11. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: «Наука», 1994. Т. II.
12. Софронова Л.В. «Клирик из Лондонской епархии». К проблеме идентификации христианского мыслителя английского Возрождения // Диалог со временем. М., 2012. №38. С. 161-188.
13. Социальная идентификация личности / отв. ред. В.А. Ядов. М.: ИС РАН, 1993.
14. Столяров А.А. К будущему изданию фрагментов Посидония // Философский журнал. 2011. №1.
15. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972.
16. Хазина А.В. “Ratio” как основа “religio” в философской концепции стоика Посидония // Диалог со временем. 2009. №28. С. 176-186.
17. Хазина А.В. Антиномия «свой – чужой» в историческом нарративе взгляд эллинистической историографии // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 271-285.
18. Хазина А.В., Строганов Д.А. Магия и оккультизм в религиозной ментальности эллинистического социума // Преподаватель XXI век. 2015. Т.2. № 1. С. 255-263.
19. Цицерон Марк Туллий. Речи в 2-х т. Т. 2 (62-43 гг. до н.э.). М., 1962.
20. Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. М.: «Наука», 1985.
21. Цицерон. Сборник статей. М.: АН СССР, 1958.
22. Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / пер. с англ. и коммент. А.М. Крымского. М., 1996.

REFERENCES

1. Arnal W.E. Definition. Guide to the Study of Religion. Willi Braun & Russell T. McCutcheon eds., 2000.
2. Fuhrmann M. Cicero und die römische Republik. München, 1990.
3. Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden: F. Steiner, 1969.
4. Muller M.F. Natural religion. The Gifford lectures. London: Longmans, Green and Co; New York, 1892.
5. Smith W.C. The Meaning and End of Religion. New York: Mentor Books, 1962.
6. Grimal' P. *Cicero* [Cicero]. Moscow, 1991. (In Russian)
7. Knabe, G.S. *Kul'tura antichnosti* [The culture of antiquity]. G.S. Knabe, I.A. Protopopova. *Istorija mirovoj kul'tury. Nasledie Zapada: Antichnost'. Srednevekov'e. Vozrozhdenie: kurs lekciij*, pod. red. S.D. Serebrjanskogo. Moscow, 1998. (In Russian)
8. Mikljaeva A.V., Rumjanceva P.V. *Social'naja identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mehanizmy formirovaniya* [Social identity: content, structure, mechanisms of formation], St. Petersburg, 2008. (In Russian)
9. Nikolai F.V., Sofronova L.V., Khazina A.V. *Ot obrazov vlasti k vlasti obrazov: aktual'nye problemy mezhdistsiplinarnykh gumanitarnykh issledovanij* [From the images of power to the

- power of images: current problems of interdisciplinary Humanities research]. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2013, no. 2 (2), p. 29. (In Russian)
10. Pershin Ju. *K jetimologii slova «religija»: paradigma Cicerona* [To the etymology of the word "religion": the paradigm of Cicero]. *Antropo Topos: teoreticheskij zhurnal v oblasti filosofskih nauk*. Omsk, 2011, no. 9 – 10, pp. 29-38. (In Russian)
 11. Plutarh. *Sravnitel'nye zhizneopisanija v dvuh tomah* [Comparative biographies in two volumes]. Moscow, 1994. T. II. (In Russian)
 12. Sofronova L.V. «Klirik iz Londonskoj eparhii». *K probleme identifikacii hristianskogo myslitelja anglijskogo Vozrozhdenija* ["A cleric from the diocese of London". To the problem of identification Christian thinker of the English Renaissance]. *Dialog so vremenem*, 2012, no. 38, pp. 161-188. (In Russian)
 13. *Social'naja identifikacija lichnosti / Otv. Red. V.A. Jadov.* [Social identity / Ed. Ed. V. A. Yadov]. Moscow, 1993. (In Russian)
 14. Stolyarov A.A. *K budushemu izdanyu fragmentov Posidonya* [For a future edition of the fragments of Posidonia]. *Filosofsky jurnal*, 2011, no.1. (In Russian)
 15. Utchenko S.L. *Ciceron i ego vremja*[Cicero and his times]. Moscow, 1972. (In Russian)
 16. Khazina A.V. "Ratio" kak osnova "religio" v filosofskoj kontseptsii stoika Posidoniya ["Ratio" as the basis for the "religio" in the philosophical concept of the stoic Posidonius]. *Dialog so vremenem*, 2009, no. 28, pp. 176-186. (In Russian)
 17. Khazina A.V. *Antinomiya «svoj – chuzhoj» v istoricheskom narrative vzglyad ehllinisticheskoy istoriografii* [Antinomy "friend or foe" in the historical narrative view of Hellenistic historiography]. *Dialog so vremenem*, 2009, no. 39, pp. 271-285. (In Russian)
 18. Khazina A.V., Stroganov D.A. *Magiya i okkul'tizm v religioznoj mental'nosti ehllinisticheskogo sotsiuma* [Magic and occultism in the religious mentality of the Hellenistic society]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2015. T. 2, no. 1, pp. 255-263. (In Russian)
 19. Ciceron Mark Tullij. *Rechi v dvuh tomah. Tom vtoroj (62-43 gg. do n.je.)* [Speech in 2 t. T. 2 (62-43 BC)], Moscow 1962. (in Russian)
 20. Ciceron Mark Tullij. *Filosofskie traktaty*[Philosophical treatises]. Moscow, 1985. (In Russian)
 21. Ciceron. *Sbornik statej* [Collected articles]. Moscow, 1958. (In Russian)
 22. Jerikson Je. *Molodoj Ljuter. Psihoanaliticheskoe istoricheskoe issledovanie / Per. s angl. i komment. A.M. Krimskogo* [Young Luther. Psychoanalytic historical research / Transl. angl. and comments. A. M. Krimskogo]. Moscow, 1996. (In Russian)

© Басов А.Ю., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Басов Александр Юрьевич – студент Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: basov160993@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Basov Alexander Yurievich – student, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation. e-mail: basov160993@yandex.ru